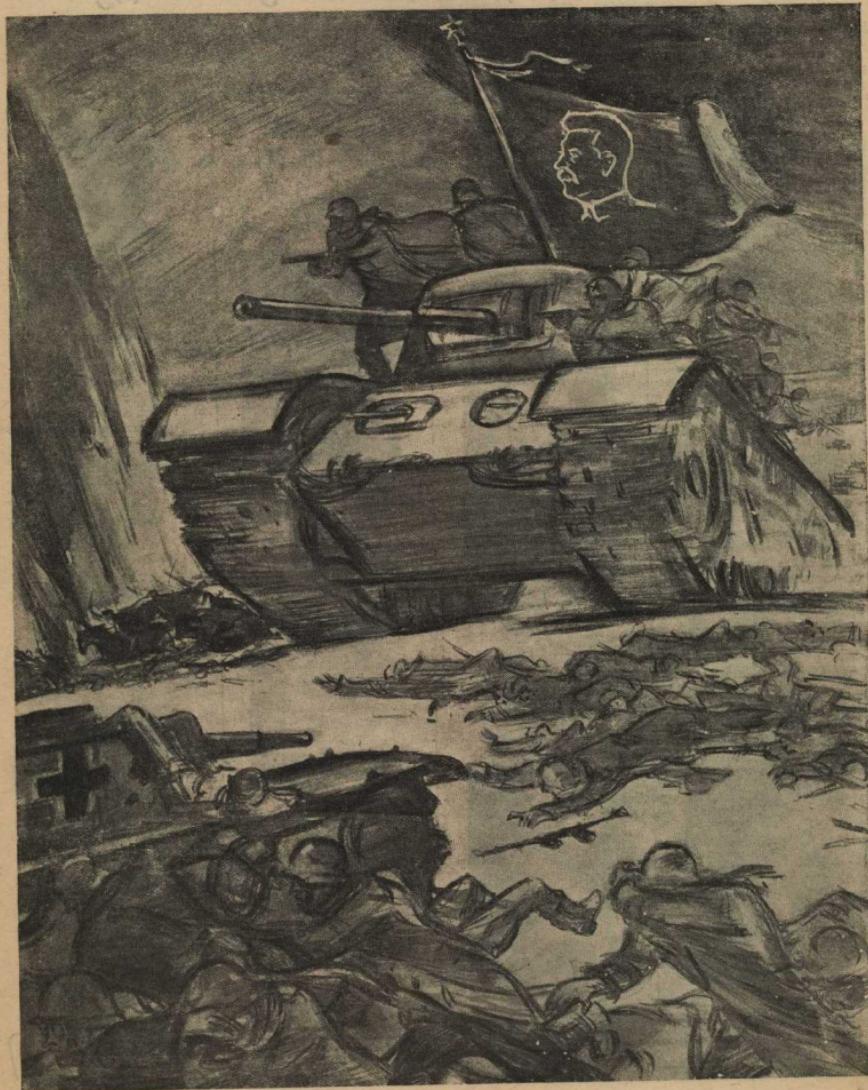

СМЕНА

№ 4
ФЕВРАЛЬ
1943 г.

ЭКСУРНАЛ ЦК ВАКСМ • ИЗД-ВО "ПРАВДА"

Идите вперёд, молодые воины! Отечизна верит в вашу победу!

«Вы, молодые воины, особенно по счастливому, что находитесь в наших рядах в радостные дни великих побед, о которых будут говорить не только через сотни, а и через тысячи лет.

У вас перед глазами бессмертные подвиги отцов и старших братьев. Но не забывайте, что победой мы обязаны той дисциплине ума и воли, пример которой нам подал и подает наш Верховный Главнокомандующий — великий Сталин.

Порадуйте же его вашей дисциплинированностью, вашей внутренней подвижностью и завершите с его именем на устах великое дело торжества права над бесприютным, добра над злом, света над мраком».

Генерал Найдорф

«Идите, родные наши бойцы, освободите скорее родину мою — Украину. Там — семья, ком отеческий, синий Славу-

На обложке рисунок Г. Нисского. «В наступлении!»

то — Днепр. Если бы смогла, — не шла, а летала бы с вами на землю. А пока помогаю вам трудом. Это моя смиренная просьба: кладите вами путь».

Комсомор цеха ордена Ленина и ордена Трудового красного знамени завода им. Владимира Ильича

Ольгина Матвеева

«Привет нашимечно юным чудо-богатырям к славному юбилею — двадцатипятилетию».

Академик

Найдорф

Вместе с моим героям — Василием Теркиным я говорю вам, молодые бойцы:

«По заслуженному праву Славься с предками в ряд Наша гордость, наша слава — Русский труженик-солдат».

Альберт Дементьев

«Сердечно поздравляю молодых воинов с двадцатипятилетием Красной Армии. Желаю одного — победы».

Заслуженный деятель искусств

Борис Чоглоков

«Мне кажется, что сквозь смешные юмори и плями боёв я вижу вас, дорогие защитники Родины, идущих вперёд и вперёд. Я сердцем с вами, до-ти мон».

От души поздравляю вас с двадцатипятилетием юбилеем Красной Армии — нашей гордости, нашей славы. Будьте достойны её победоносных знамён».

Народная артистка СССР

Н. Орухова

«Сегодня мы закончим двухмесячную программу на семь дней раньше срока. Это — поздравление молодёжи нашего завода бойцам Красной Армии со славной годовщиной. Берите, родные, проklärотого немца ещё сильней!»

Комсомор ЦК ВЛКСМ из завода № 30

Сорокина

«От комсомолок и комсомольцев — сапсанов, шеек, ассорубов, шофёров, токарей — всех тех, кто кует вам, бойцы, оружие победы, от тех, кто думает о вас неустанны, пламенный привет геройской Красной Армии в день двадцатипятилетия».

Желаем успехов на пути к Днепру и Карпатам».

Секретарь Коминтерновского райкома комсомола г. Москвы

В. Аксельсон

СМЕНА

Двухнедельный военный журнал ЦК ВЛКСМ

№ 4 февраля 1943 г.

Год издания XX • Издательство "Правда"

Да здравствует великий советский народ, его героическая Красная Армия и Военно-Морской флот, создавшие прочный фундамент для победы над немецко-фашистскими захватчиками!

Вперед, за полный разгром немецких оккупантов!

ПРИКАЗ

ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

23 февраля 1943 года

№ 95

г. Москва.

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! Сегодня мы празднуем 28-ю годовщину существования Красной Армии.

Прошло четверть века с тех пор, как была создана Красная Армия. Она была создана для борьбы с иностранными захватчиками, стремившимися поработить нашу страну. 23-е февраля 1918 года, когда отряды Красной Армии наголову разбили под Пskовом и Нарвой войска немецких захватчиков — было объявлено день рождения Красной Армии.

В 1918—1921 гг., в упорной борьбе против иностранных захватчиков Красная Армия отстояла честь, свободу и независимость нашей Советской Родины, отстояла право народов нашей страны строить свою жизнь так, как учил великй Ленин.

В течение двух десятилетий Красная Армия охраняла мирный социалистический труд советского народа. Народы нашей страны никогда не забывали о посягательствах чужеземных захватчиков на нашу землю и неустанным работали об укреплении мощи Красной Армии, осаждали ее первоклассной боевой техникой и любопытно выращивали кадры советских воинов.

Красная Армия есть армия защиты мира и дружбы между народаами всех стран. Она создана не для завоевания чужих стран, а для защиты границ Советской Страны. Красная Армия всегда относилась с уважением к правам и независимости всех народов.

Но в июне 1941 года гитлеровская Германия вероломно напала на нашу страну, грабя и полю нарушив договор о ненападении. И Красная Армия оказалась вынужденной выступить в поход, чтобы отстоять свою Родину против немецких захватчиков и изгнать их из пределов нашей страны. С этого времени Красная Армия превратилась в армию смертельной борьбы с гитлеровскими войсками, в армию истителиз за насилия и унижения, причинявших немецко-фашистским подлецам нашим братьям и сестрам в оккупированных районах нашей Родины.

25-ю годовщину своего существования Красная Армия встречает в решительный момент отечественной войны против гитлеровской Германии и её прислужников — итальянцев, венгров, румын, финнов.

Прошло 20 месяцев, как Красная Армия ведёт беспримерную в истории героническую борьбу против нашествия немецко-фашистских полчищ. Ввиду отсутствия второго фронта в Европе Красная Армия несёт один всю тяжесть войны. Тем не менее Красная Армия не только устояла против натиска немецко-фашистских полчищ, но и стала в ходе войны грозой для фашистских армий.

В тяжёлых боях летом и осенью 1942 г. Красная Армия преградила путь фашистскому зверю. Навсегда сохранит наш народ память о героической обороне Севастополя и Одессы, об упорных боях под Москвой и в предгорьях Кавказа, в районе Ржева и под Ленинградом, о величайшем в истории войн сражении у стен Сталинграда. В этих великих сражениях наши доблестные бойцы, командиры и политработники покрыли неувидимой славой боевые знамена Красной Армии и заложили прочный фундамент для победы над немецко-фашистскими армиями.

Три месяца назад войска Красной Армии начали наступление на подступах к Сталинграду. С тех пор инициатива военных действий находится в наших руках, а темпы и ударная сила наступательных операций Красной Армии не ослабевают. Ныне Красная Армия в тяжёлых условиях зимы наступает по фронту в 1.500 километров и почти везде достигает успехов. На севере, под Ленинградом, на Центрально-

фронт, на подступах к Харькову, в Донбассе, у Ростова, на побережье Азовского и Чёрного морей Красная Армия наносит удар за ударом гитлеровским войскам. За три месяца Красная Армия освободила от врага территорию Воронежской и Ставропольской областей, Чечено-Ингушской, Северо-Осетинской, Кабардино-Балкарской и Калмыцкой автономных республик, Ставропольского и Краснодарского краёв, Черкесской, Карабахской и Алагицкой автономных областей, — почти всю Ростовскую, Харьковскую и Курскую области.

Началось массовое изгнание врага из Советской Страны.

Что изменилось за эти три месяца? Откуда такие серьезные неуспехи у немцев? Где причины этих неуспехов?

Изменилось соотношение сил на советско-германском фронте. Дело в том, что фашистская Германия всё более и более истощается и становится слабее, а Советский Союз всё более и более развертывает свои резервы и становится сильнее. Время работает против фашистской Германии.

Гитлеровская Германия, заставившая работать на себя военную промышленность Европы, до последнего времени имела превосходство против Советского Союза в технике и прежде всего в танках и самолётах. В этом было её преимущество. Но за двадцать месяцев войны положение изменилось. Благодаря самоизвержению труда рабочих, работниц, инженеров и техников военной промышленности СССР, за время войны возросло производство танков, самолётов, орудий. За это же время враг понёс на советско-германском фронте огромные потери в боевой технике, в особенности в танках, самолётах и орудиях. Только за три месяца наступления Красной Армии зимой 1942—1943 года немцы потеряли выше 7000 танков, 4000 самолётов, 17 000 орудий и много другого вооружения.

Конечно, немцы постараются покрыть эти потери, но это не так легко будет сделать, так как потребуется не мало времени для того, чтобы противник сумел восполнить эти огромные потери в технике. А время не ждёт.

Гитлеровская Германия начала войну против СССР, обладая численным превосходством отмобилизованных и готовых к бою войск в сравнении с Красной Армией. В этом было ей преимущество. За 20 месяцев положение, однако, изменилось и в этой области. В оборонительных и наступательных боях Красная Армия за время войны вывела из строя до 9 миллионов немецко-фашистских солдат и офицеров, из них — неменее 4 миллионов убитыми на поле боя. Полностью разгромлены румынская, итальянская и венгерская армии, брошенные Гитлером на советско-германский фронт. Только за последние три месяца разбито Красной Армией 112 дивизий противника, при этом убито более 700 тысяч и пленено более 300 тысяч человек.

Конечно, немецкое командование примет все меры, чтобы покрыть эту колоссальную убыль. Но, во-первых, слабым местом немецких армий является недостаток людских резервов, виду чего это неизвестно, из каких источников будет покрыта эта убыль. Во-вторых, если даже предположить, что немцы наскребут всеми правдами и неправдами нужное количество людей, потребуется немало времени для того, чтобы собрать и обучить их. А время не ждёт.

Гитлеровская армия вступила в войну против Советского Союза, имея почти 2-х летний опыт великих крупных военных операций в Европе с применением новейших средств войны, Красная Армия в первый период войны, естественно, не имела ещё и не могла иметь такого военного опыта. В этом состояло преимущество немецко-фашистской армии. За двадцать месяцев положение, однако, изменилось и в этой области. В ходе войны Красная Армия стала кадровой армией. Она научилась бить врага налёвика с учётом его слабых и сильных сторон, как этого требует современная военная наука. Сотни тысяч и миллионы бойцов Красной Армии стали мастерами своего оружия — гранат, сабли, пистолёта, артиллерии, миномётного дела, танкового дела, сапёрного дела, авиации. Десктил тысяч командиров Красной Армии стали мастерами вождения войск. Они научились считать личную отвагу и мужество с умением руководить войсками на поле боя, отрешившись от глупой и вредной линейной тактики и став прочно на почву тактики манёврирования.

Нельзя считать случайностью тот факт, что командование Красной Армии не только освобождает от врага Советскую землю, но и не выпускает врага живым с нашей земли, осуществляя такие серьезные операции по окружению и ликвидации вражеских армий, которые могут послужить образцом военного искусства. Это, несомненно, — признак зрелости наших командиров.

Не может быть сомнения, что только правильная стратегия командования Красной Армии и гибкая тактика наших командиров-исполнителей могли привести к такому выдающемуся факту, как окружение и ликвидация огромной отборной армии венгров в составе 330 тысяч человек под Сталинградом.

У немцев в этом отношении далеко не всё благополучно. Их стратегия дефективна, так как она, как правило, ведоносит счастья и возможностей противника и переоценивает свои собственные силы. Их тактика шаблонна, так как она старается подогнать события на фронте под тот или иной параграф устава. Немцы аккуратны и точны в своих действиях, когда обстановка позволяет осуществлять требования устава. В этом их сила. Немцы становятся беспомощными, когда обстановка усложняется и начинает «не соответствовать» тому или иному параграфу устава, требуя принятия самостоятельного решения, не предусмотренного уставом. В этом их основная слабость.

Таковы причины, определившие поражение немецких войск и успехи Красной Армии за последние три месяца.

Из этого, однако, не следует, что с гитлеровской армией покончено и Красной Армии остаётся лишь преследовать её до западных границ нашей страны. Думать так — значит предаться неумному и временному самобоюсьанию. Думать так — значит передохнуть свои силы, недожечь силы противника и впасти в авантюризм. Враг потерпел поражение, но он ещё не побеждён. Немецко-фашистская армия переживает кризис ввиду полученных от Красной Армии ударов, но это ещё не значит, что она не может оправиться. Борьба с немецкими захватчиками ещё не кончена; — она только развертывается и разрастается. Глупо было бы полагать, что немцы покидают без боя хотя бы километры нашей земли.

Красной Армии предстоит суровая борьба против коварного, жесткого и пока ещё сильного врага. Эта борьба потребует времени, жертвы, напряжения наших сил и мобилизации всех наших возможностей. Мы начали освобождение Советской Украины от немецкого гнета, но миллионы украинцев ейдом томятся под гнетом немецких поработителей. В Белоруссии, Литве, Латвии, Эстонии, в Молдавии, в Крыму, в Карелии пока еще ходились немецкие оккупанты и их прислужники. Вражеские армии нанесли мощные удары, но враг ещё не побеждён. Немецкие захватчики престо сопротивляются, переходят в контратаки, пытаются задержаться на оборонительных рубежах и могут пуститься на новые авантюры. Вот почему в наших рядах не должно быть места благогулу, беспечности, зализывания.

Весь советский народ радуется победам Красной Армии. Но бойцы, командиры и политработники Красной Армии должны твёрдо помнить заветы нашего учителя Ленина: «Первое дело неуважаться победой и не кичиться, второе дело — закрепить за собой победу, третье — добить противника».

Во имя освобождения нашей Родины от немецкого врага, во имя окончательной победы над немецко-фашистскими захватчиками,

— ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Неустанные совершенствовать боевую выучку и укреплять дисциплину, порядок и организованность во всей Красной Армии и в Военно-Морском Флоте.

2. Усилив удары по вражеским войскам, неустанно и упорно пре- следовать врага, не давать ему отдохнуть ни днём, ни ночью, разрезать коммуникации врага, окружать вражеские войска и уничтожать их, если они отказываются сложить оружие.

3. Шире раздувать пламя партизанской борьбы в тылу врага, разрушать коммуникации врага, взрывать железнодорожные мосты, срывать переброску неприятельских войск, подвоз оружия и боеприпасов, взрывать и поджигать вспомогательные склады, нападать на неприятельские гарнизоны, не давать отступающим врагу скрыться наши сёла и города, помогать всеми силами, всеми средствами наступающей Красной Армии.

В этом залог нашей победы.

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки!

От имени Советского Правительства и нашей большевистской партии приветствуя и поздравляю вас с 25-й годовщиной Красной Армии. —

Да здравствует наша Великая Родина!

Да здравствует наша славная Красная Армия, наш доблестный Военно-Морской Флот, наши отважные партизаны и партизанки!

Да здравствует народ большевиков, вдохновитель и организатор побед Красной Армии!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий И. СТАЛИН.

180 000 километров над территорией врага

Дважды Герой Советского Союза майор А. Молодчий

(Из записок лётчика)

По тревоге выстрелились на плату. Командир полка Герой Советского Союза подполковник Балашов сообщает нам, что без объявления войны германская армия атаковала ваши границы в самом проклятии. Финистские самолёты бомбят Киселёвск, Севастополь, Крым, Днепропетровск, охваченные пожарами. Краснодарская кухня Олимпиады, Гагарин готовится блдитский удар из-за угла...

Я помощника командира эскадрильи, маладший лейтенант. Мне думается, неплохо знать материальную часть. У меня приличные тренировочные стажи. Хочется подынать европейскую армию, показать им отставку в воздухе. Младшие лейтенанты Гаранин, Саладин, Соловьев, Несеев, Позеленев, мои подруги и ученики, взмодившие ходят за мной, показывают, скоро ли вылет. Им, как и мне, тоже не терпится. Ребята спешат в бой.

Ночью вылет не состоялся. Сегодня летят все, кроме Гаранина, Саладина, Соловьева, Несеева. Я и моя команда, солдаты еле-меле, молоды! Летят в первую очередь «старички», пилоты «столыпинчики», «спиллончики». Нам велят обождать.

У ребят слёзы на глазах. Обильно я зево-жал! Мне всё время чувствовал себя неважно оттого, что пошли родильи, не покоялись

порукою еще в грамотную войну...

Меня с группой молодых лётчиков откомандировали на военный завод Ползучим самолёты новой конструкции, вливавшимися в них и особую группу. Чем это за группа, никто из нас не знает. Слушаешь командира, когда на бомбёжку. Он делает большие глаза: «Ни бомбёжку? А вы освоили математическую часть? Да кто же пустит сразу на такие машины! Над ними надо пообoyerтужусь».

Переворачиваемся на новых машинах. Июнь ли в день испытательные полёты. Боец, заладив всё на нет и нет. Машинки отличные. Эх, поскорее бы взлететь с бомбой на гирлянде! Какие счастливые «старички»: глядят и газят немецких! Не успеют отдохнуть. А над превратами в школников. Неужели до конца войны тренироваться будем?

Самолёт капитана Николая Гастелло был поднят в воздушном бою над территорией противника. Примчут с парашютом? Слышь в пики? Капитан отверг эту мысль. Он обрушил пикировальную машину на колонны врага, ноги скрещены горизонтально.

Валерий Чкалов говорил: «Если бы у меня было пять жизней, я не залетел бы отдать их за родину, за Сталина». Полагаю, Чкалин — чкаловский стиль. Это чкаловская «поколка» в воздуше. Капитан Гастелло предложил смерть пикированию. Или его машина буде краиной в сердцах. Родина не гордится таким союзником.

Я ходил по заводу до бомб на пологом. Я хочу жить долго. Но если мне судьбою достанет в боях за родину, и хотел бы встретить смертный час, как встретил его капитан Гастелло.

Подал рапорт о переводе в действующую армию. Полковник Новодранин, усыпаный

капитаном, в корыту испытанным именем лётчиков.

Терпение, юноша, терпение! — говорит он.

— Война-то ведь не застра кончится! При-

ём — впереди вас очередь. Я и сам русь в полёт

хотел с вами приказали. Что поделаешь? Молчу, терплю, подчиняюсь.

Учимся. Напряжённо, не за страх, а за со-

весть. Ветерами проверим друг друга. Гара-

ни заколдит ко мне. Просит пачку папирос.

— Да описание «Кейнисса-113», — говорит я смехом. — Получишь зачку доносными «Дэли».

— Одномоторный истребитель с никак расположенным относительно фюзеляжа крылом. Самолёт на базе «записки», вооружён двумя пулемётами в носовой части.

Он переносит все характерные признаки «хэйкеля» и противодействует руку к шиферину с пылесосами...

Когда кто-нибудь из «старичков» возвращается с бомбами и рассказывает о встрече с немецким истребителем, то вспоминает всё в большем разнообразии, как залетел себе в воздух немцы, насколько сильно огня их истребителей, какова тактика. Литература по этикетам вспоминает. А нам всё нужно знать.

Мне дали истрому. Старший лейтенант Сергей Иванович Куликис. Бывалый дядя. За восемь лет постаршился. Мягок. Легок давно. За участие в боях на Халхин-Голе награждён орденом Красного Знамени. Дрался с белорусами. Чукало, впрочем, и технику полёта по приборам. Мы подумали, нашли ошибку. Огонь, сработал — на «ты».

— Скорее полёти! — спрашивает он. — Ждёт кровь. Если тебе today не пустят на линию огня, скажу к другому лётчику.

На бомбёжку. Сержанты Седов и Ефимов

затакоюшего штурмана — значит, бомбы не за горами.

Затакою к моему самолёту прикреплены по-

стоянными стрелков-радистами. Экипаж сформирован.

Тренируемся в ночных полётах. То, что капитан лётчиков делает, видимо, неслыханное в мире. Каждый машина манёвренностями как бы вторит. Штурман особенно настаивает на повторении манёвров, связанных с вынужденной посадкой.

Можно подумать, Серёжа, что нам предстоит каждый день вынужденные посадки. Допотыкали же нас, чтобы видеть, как посадка горит — отвечает он. Но капа и где он состоялся, мы не знаем, товарищ пилот.

К усташкам! На крохотной лесной полянке, где груженку развернуться трудно? Но махом болоте? В снежном поле? Всё равно придется садиться. И на один колесо сядешь. И на брюхо сядешь, без парашюта падаёшь. А сесть махом, дорогой мой! Обмыши так, чтобы сохранили машину, сохранять так.

Весь день тренировались в манёвре на земле, и тута штука! Серёжа неумолим. Заставляет повторять одно и то же десятки раз.

— Я не могу поразить цель, — говорит он, — если не буду знать на бомбон курса допустимой «машинки» или скольжение. При подходе к объекту, когда тебе обрабатывают зенитами, вертись, как уголок, а выпадешь на цель — будь ласков! Горизонтальный полёт, не имеющий аналогов в мире!

Выбираешь условную точку в поле и закидываешь на неё, как при бомбометании. Скучное занятие, но что делать! Необходимо!

— К высоте всякого мастерства путь лежит через тернии, — шутит Серёжа. — Ты что думал? Суровое «Пожалуй в ученье, лег-

ко в боку в наше то не отнесёшь».

Задание: бомбить немецкий гарнизон в определённом месте в определённое время. Раньше летят Серёжа, падают машины по приборам. В районе места перехода на бомбёжку дадут минуту. Городок нет и нет под нами словно сквозь землю пропал.

Как это случилось, трудно понять. Проскочил над городком, не успев обронить бомбы.

Но окраине города делаю разворот, чтобы выйти к центральной площади. Ударил зениты, а сразу бешено залаяла все пушки в

пулемёты ПВО. Кругом разрывы снарядов. Колонны пехоты неподвижно стоят на улицах, на площадях. Никто не прячется. Мы из первых якорей сбрасываем бомбы. Пушка приступила к огню. Оскалья, Оскалья, — считают меня разведчики Теки куху, для них.

— Командир, поверните вправо, — голос штурмана глухо звучит в наушниках.

Доворачиваю. Над площадью Серёжа собирает бомбы. Взрывы — одна за другим. Пожары, взрывы, взрывы, взрывы, взрывы. На улицах панцири. Удачливые солдаты и офицеры бегут во дворы в переулки.

Зенитки неистовствуют. Город в колыбе батарей. Весь огонь ПВО — на мне. Каи на беду, облака разнесло, и немцы стреляют прямиком. Впереди, сплошь, сплошь стены огня. Никто не выходит из боя. Стартует машина перед мной. Следят за мной с последней боевой вылете? Смерть и в бою. Солдат должен быть готов умереть в любую минуту. Да, в любую минуту, но только не сегодня.

Под огнём делаю два разворота. Ныряю вниз, вспоминаю прощаться на уходе. Надо смотреть. Кладу машину на землю и падаю. Миняет удача. Зенитки смолкли. Считают меня погибшим. У земли, над крышицами пригородных домиков, зияющимися самолётами, кругло и в облаках. Немцы спокойствуют. Опять бегут зенитки. Но теперь снаряды приступают к земле. Вонющим облаком. Надо убежать из зоны обстрела. Но лучше становится опасности, легкой. Хотеть лететь, кризать, топтать от радости горючих. Вон парою огромные потери. Не одну сотню солдат и офицеров мы отбрали на тот свет. И саки ухудшились, незримые. Это называется коротким и звучным словом — «убийство». В наущенных взрывами машинах и машинами, уничтоженными в землю.

— Саша, поздравляю, — говорит штурман, — для начала совсем недурно.

Вспыхивает лампочка у юнки пневматики. Вынимая запаску: Васильев и Панфилов тоже поздравляют меня и штурмана. После каждой фразы появляются восхитительные азбеты в диком говоре.

Что же вы, чёрти, из пузелей учили проходить? — отвечает я им. — Привез я жалки? Ах-ай-ай!

— Товарищ младший лейтенант, проморгалась ли отваженность, они? Мы воспитанники немецких пилотов-бомбардировщиков. Пир земли и звезды. Утром. Частное космонавтическое.

Благополучно садимся на своем аэродроме. Вылезаем из кабин. Серёжа стискивает мою руку. Васильев и Панфилов поочереди обнимают меня, леют целоваться. У них возбужденные лица, глаза.

— Осмалы, — говорит Саша, — бомбят. Вот ты мой, как его известил! Пробить киль, фюзеляж, машина, неожиданно падающая и скользящая снарядами. От прямых попаданий на плоскости днища — арбузом. Кирпич бьет, ребра ломает. Кирпич бьет, — отвечает он.

— Что было, то было, — отвечает Серёжа. — Волкодав, брат. Мы им тоже дали жизни. Ещё убытки балансировать, сидят в нашу пользу...

Бомбят автоколонны. Серёжа — снайпер бомбометания: клаёт гостинцы кула закочет. И нас накомился опыт бомбардировщиков колон. Первое время немцы передавали по телефону адреса, где приступают к атаке. Ошибки, ошибки, широкими, отчуждёнными глазами кула закочет. Ошибки, ошибки, широкими, отчуждёнными глазами кула закочет.

Они стали осторожнее. Теперь в «головах» и

а хвостах автомобилей и танковой колонны соревновались зенитные пушки, пулеметы. Зенитчики бодрают на марше и на стоянках. Раньше немцы передвигались в любое время. Теперь стараются передвигаться ночью. Днем отыскивают на лесных опушках, в берегах, в кустарниках.

Мы наскочим на всех! Заграждениями соревнующих зенитчиков заставляют нас быть настороже, но не мешают выполнять задание. Июль мы с ходу фокусом але-гро! фокусом на головную батарею и, подавая ей, чешем голову с небольшой высоты...

* * *

С самолетом — легкая победа, уверяю. Куда спешите! Я тоже бестолково летал, когда-то я и антибомбардировщики воевали одинаково. Они также спасают положение в случаях азартчайшего испуга стеклоизогнутого льда, образующегося на крыльях. Но если льд начнет откладываться и образует нарост на поверхности крыльев, тогда фюзеляж находит в себе силы, чтобы вырваться из-под льда и, поднявшись — падая — на себя. Всё начинает будить катастрофически усилившуюся. Форма крыльев исказится. Рухну ступень десантоплатформы. В течение десяти минут парус льда может нарушить управление самолетом, сделать по-лёт опасным.

Набираю высоту. Самолет изохони полета широк. Вылекают из антибомбардировщиков поганки с природой?

Куликов советует синхронизировать спуск саней. Спускаю самолет до трёх тысяч метров. Попадаем в тёмный слой воздуха. Ледяной покров. Погода настолько плохая, что не видно. Попытка засечь болота Земли не удалась. Попытка засечь астрономической и аэрапортной ориентирской невозможна. Но мы, находимся точно над курсом. Серёжа ловит звуки радиостанции, которые издают самолеты, и как всегда, верно определяет кратчайшую дистанцию.

Мы стартовали группой. Сперва летели вместе. Теперь вокруг нас не единой машины. Льёт дождь. В облаках разрывы звуковых волн. Один из них — это сердце, то есть. Машине возвращают, как от удара. Однажды раскаты грома, в которых тонет гул моторов. Дождь сменился крутым градом. Скорект молния. После вспышки становятся совсем темно, и в этой грозовой темноте видно, как светятся наэлектризованные металлические части самолета. Но стекла и панели проблемой отнюдь не являются. В кабину струются звуки.

— Саша, как тебе чувствуется? — спрашивает Куликов.

— Ничего говорю я... Бывает хуже. Мужик... маленький... машины...

— Чортова логота! — зорчит он. — Сколько ни летал, такой карусели не наладил.

А карусель не утихает. Вертикальные атомы поздравляют самолет сниз. Пронеслись быстрые и неожиданные изменения высоты полета. В небесах склон и колебание. Машине испытывает большую перегрузку. Но бокам сверкают молнии.

— Не шарахнет в антенну? — спрашивает Серёжа.

Не посмеет, — обводит я его шуткой. — А ве-таки надо выключить радио.

Самолет спасают от удара льда в саже-мые редко. Но можно случайно попасть в центр электрического разряда, и тогда не сбрасывать. Покарбент радиооборудование, раздерёт плоскости, выплюнёт зажигательные, расплыват металлические части.

Болтания становится неиспользованной. Смижка-емся. Некоторые из нас сидят над землей. Земля вращается до тоскующего состояния. Идя из города. Этот осеннийший ильский ливень притянет на землю. Нам он мешает. Истрибитель взмыл бы вверх, прошёл над облаками. У нас есть кислородные приборы. Однако сегодня забытья занес с бомбовой нагрузкой рискованно.

Панфилов приносит радиограмму из Москвы. Нам приказывают обогнать группу в следующем километре. Отвечаем: «Есть».

— Где находишься? — спрашивает Куликова.

— Он впереди и добавляет:

— Скоро Западная Двина. Смотри выше. Грозовые облака породили. Дождь нет. Человек несложно минута действительностью мелькнула, под самодьялом резца. Серёжа сшибается. Наибрал высоту, снова входим в дождевые облака. Опять болтанка. Великаны молнии. Ихри на плоскости и фюзеляже. Потоки воды, от которых кабина превращается в лодку.

Идём на запад. Илья, несмотря на то что

Задание нужно выполнить. Серёжа прокладывает курс на порт Н. Оттуда морем дробимся к Кенингсбергу. Ровно гудят моторы. Каждая минута приближает нас к цели. Серёжа ловит передачи радиостанций: они помогают ему ориентироваться.

Серёжа команда:

— Разворот влево!

Беру заданный курс. Поднимаемся до облаков. Илья не изогнулся. Ловим радиостанции. Слышишь музыку. В небе вспышки. Гром. Гром и Громом ассоциируется. Они удалили себя музыка. Она ещё ничего не знает. Скорее наш удар подстриг город, в диктор, много раз объявлявший об уничтожении советской авиации, первый ринется в бомбовом кишине. В просветах облаков мелькают небо. Серёжа с помощью сектанта измеряет высоту. Потом смотрит на часы. Секунды проходят.

Молодежь вспоминает. Тёмные силуэты города. Кенингсберга. Очевидно, захвачено. поднимают поганки на нас и дали звучит воздушной тревоги. В городе гаснут огни. Начинают работать зениты.

Закидываем на цель. Штурман говорит:

— Броско, открывайте бомблоки. Корабль встремляется. Гуськом вспомнил занятия. Мы закинчали боевое обучение. Проводились съезды, огни ПВО, набираем высоту и делаем круг над изолированной группой. Позади наши эскадрильи. Один из других следят бомбовые удары. Город в огне, в дыму. Наступила час величия для Кенингсберга. Пусть дрожат в своих норах польские фуру и фурман, ещё вчера метавшие о посылках с Восточного фронта! Накормили. Впереди много

ищей. Не обойдёт никого. Возьмут старницу да Минск, Смоленск, за Одессу, за Киев и Севастополь.

Кладу корабль на обратный курс. Нас не-меньше поцарапали скользкими. Машин в полночь порхаде. Града, какими, кажется. Ожидая линущиеся звезды штурмана. Вместо этого в винтичках родные мелодии:

— Да свалка, города и хаты.
Ни добра, да и зла нет.
Молодые, смеющиеся ребята.
На землю, уходим мы в туман!

Серёжа шагает, захлебываясь от смеха. Облегчённый корабль лёгко и плавно веется под облаками. Хорошая новь! Удачна почты Скоры будем помы. Я обнимаю Серёжу и склоня ему, лицом он възят молодец. Дай бог всеподданно пилоту такого штурмана. С ним в любую погоду можно лететь хоть к чёрту из рогов.

Выходит из кипучки. Хочу поздравить Серёжу с выполнением задания. Но он всё ещё неёт, я и пылающим подсматриваю:

— На зоре, зевает, выходит
Комсомольский провожать отряд.
Вы с осыпь, девчата, не грустите!
Мы с победой приедем назад!

* * *

Входит побуждённый штурман. Разрешён полёт на Берлин. Мы давно готовились к нему.

Столько месяцев мы мечтали об этом! И когда уже чуль-чуль скользили под облаками, то вдруг из-за облаков на нас замахнула лягушка «Фокура-шарка», нас обволакивая таким покойнейшим решением. Серёжа ходит, науди-шики, как индик. У него синяк лицо. Выбираем карты. Уточняем маршрут. Готовимся к полёту.

Мы звоним по телефону: «Нам хотят ли доделовать с пленными немецкими агентами?». Потом звоним в штаб: «Приходите для прещтраком». Кончено хочу. Тут же услышали о встрече Еду.

Их двое: пилот и штурман. Да молодые: те старши дядища пять лет. Я спрашиваю, где и как их сшибли. Оказывается недалеко от линии фронта. Штурман никорский белобровый, под мышками с будильником, с охотой отвечает на все вопросы. Ругал Геринга и Геринга. Называет себя пахомщиком на рабочий семян. Он сочувствует русским и очень рад, что попал в плен. Это был его первый полёт на Восток, и хорошо, что он так закончился. Он не сбросил на головы русских ни одной бомбы. Интересуетесь? ПВО Берлина. Пожалуйста. Но я скоро убываю, как парень в землю. Но я скоро убываю, как парень в землю. Известно: наша разведка работает не плохо.

Перехожу к беседе с пилотом. Это материй билит, все из воздушной шайки Геринга и Геринга. Хмуро разглядывает мон ордена и «Золотую звезду».

— Хотите лететь на Берлин?
— Хотите лететь на Берлин?
— Я не советую вам, — говорит он, подёр-гивая плечами.

— Почему?
— Сшибут.

— Это блуборица наладил сказана.
— Обычно это «сбуборица» повторяет он, не сбояд с меня наэлектризованные глаза. Берлин недоделался для удара с воздуха. Он в колоде зенитов. Может быть, вам и удастся прорваться туда, но обратно не выйти. Вы знаете, сколько мы пошибли над Берлином англичан?

— А мы пошибляем.
— Он вспомнил кинзу мину на беспилотном зонде, заслоном якузил убывает:

— Это будет ваш последний полёт.
У меня есть что сказать в ответ. Но стоит ли разговаривать эту чрезвычайную синью? Он отлетелся.

Я буду летать и громить немецкие тылы. Как бы им запаниковали французские логовы, мы доберёмся до них, покончим о себе.

* * *

Курс на Берлин. Леген с максимальной бомбовой нагрузкой. До Западной Двины грозовая облачность.

Облака разнесли. Над Балтикой хорошая погода. Илья над морем. Сверкание воды в лучом блеске. Выходим на материки. Пrolетаем над Штеттином. Его кто-то из наших ос-

зовательно «долблюду». Пожары. Вспышки землетрясений. Разрывы. Проекторы шарап по не-му. Машину качает. Сильный ветер. Трудно дышать. Увеличивается расход горючего. Летим молча. Каждый из нас в эти минуты думает о том, что все это скончалось: как бы погодные отголоски чирика. Вердига долго вспоминает этот вид.

— Виноват! — говорит Серёжа. — Подходим!

Перед нами Вердига. Огромный чёрный город. Он застывает во тьме, как слрут. Мне кажется, я чувствую его глиняное дыхание.

Нас штурмуют проекторы. Уклоняясь в сторону. Кладут машину на боевой курс. Взрывение сжимает грудь. Я золотурий не от страха, что меня сшибут. Нет. Я боюсь: не прозаметь бы, не сплюнуть бы в последние секунды. Обидно будет, если бомбы разорвутся на плашах, на пустыне. Первый мой падеж. Вердига навсегда завершил отличиями урода.

Путь коленогого Гебельса кричит завтра с певчей ура по радио, что никакого падежа не Германию не было. Пусть он обманывает весь мир. Пусть назовет себя Вердига. Вердига узнают из музыки, которую пели наши в аэро- и самолётах. Она звучала едва.

Бомба отрывается от машины. Ложится в цель. На высоте в тысячу метров нас ловят проекторы. Тогда проекторы. Моя соратники заподозрили. На горизонте лежат. Зентиляторы работают. Желтоголовый шестиглавый огонь, какого мы еще не видели.

Несколько минут лёд в луках проекторов. Надо выйти из лучей! Из всех сил работают педали и штурвалы. Стрелки-радисты сперва дрожали, а потом с той или другой стороны. Потом умолкли. Малозадуманную свою рокси?

— Ха-ха! — говорю я. — Слыть уль-глись, что ли?

В шлемофоне голос Александра Панфилова:

— Товарищ комендант, сотни разрывов со всех сторон. Вину и вину разрывы. Бесполезно наблюдать за воздухом. Ведите машину, как знаете.

Много километров идём в луках проекторов. под огнём зенитов. Громко. Учимся.

Нам по опушке ориентирочки. Стрелки-радисты зашевелились писько. Штурмама тоже поёт. Проходит ла-кино фронта.

Итогами полёта я доволен. Но не обошлось без ошибок. Эзака на пульте держал на затухе с боковым. Это сильно скорость, и они само-дей мешают плаву над хорошо защищенным объектом. После бомбо-метания уходил с разворотом в 90 градусов. Это задерживал мой пребывание под огнём зенитов на лишние 2-3 минуты. Очищуя уты.

Серёга подводит итоги работы эки-пажа. У нас 1200 взятых щад. Мы прошли над террористами зрага 180 тысяч километров. Сбросили свыше 200 тон бомб различного объек-та. Летали в Германию, в гигантские десаламы. Карта «технического» нашего экипажа выглядит впечат-тально.

— Мы слышали, что молчали, — говорят штурманы. — Даёшь вскому так подозревать. Надеюсь, до конца войны ещё успеем кое-что добавить в наш счёт. Вердига, Саша?

— Вердига, — говорю я. — Живы будем — добьемся!

Вечер опускается на городок. В комнате совсем темно. Я зажигаю лампу. Сергей включает радиостанцию. В репродукторе транслируют из Москвы. За государственного заслужен-ния. Выбран почетным президентом. Гродненской областной администрации.

Сынья родной, звонкий голос. Станик говорит о ролике, о нашей борьбе, о грядущей победе.

Дружба

И. Никитина

Подошедшний мастер тронул его за плечо, сказав укоризненно:

— Саша, так нельзя. Ты опять забыл по-флота.

Мастер и сорокин пошли вдоль комендатуры. Европейские громады застыли на ёмкое «новодел» танки. Люди забыли «бульдозеры», закованные в наёмную броню.

— В этом месяце дадим три нормы, — убежденно сказал Саша. — А к праздникам мы с бритвой подстригем готовы для Красной Армии.

Они повстречались через два месяца на военном пункте танковой бригады, носившей славное имя челябинского комсомола, пульт-матчи Кокриги и сорокин Соломатин. И сразу оба показались, что они знакомы давным-давно.

Две комсомольские сидели рядом. Соломатин с гравировкой потягивал на боковой ограде своего нового друга, пока Кокрига рассказывал о том, как туша насыщеный бык. А сорокин рассказал о своей комсомольской бригаде, работающей на сборке узлов для боевых машин. о Лене Шамми и о том, как в военное время, когда на цеха, пока не выполнял месячную программу к восемнадцатому числу. Программу они выполнили к пятнадцатому, на 113 процентов. Но армии нужны не отдельные узлы, а весь танк. Комсомольцы пошли на комендатуру. Предложили:

— Плавайт, соревновайтесь.

В социалистическом соревновании с комсомольской бригадой вступила почта всех заводов. Но никто не обогнал первоуральскую бригаду.

— Вот поэтому я и здесь, — закончил сорокин. — Рабочие поручили мне передать членам танкистам, наши подруги и боевой рабочий пришел.

Так началась дружба сорокина с танкистом, дружба фронта с тылом.

... По дороге домой Саша Соломатин под стук колес думал над сказанием Кокриги на пропущенные фразы:

— Танки вы делаете отличные. На широке немецких проевремах их качество. Только больше давайте их.

Приехал поезд, не испытавший до конца отчуждения, привёз Соломатин в землю Закамской провинции, землю металла, спирок и пневматических машин встретили его Ремезов и Лена Шамми, в обнимки бригадирами.

С радостью услышав Соломатина сообщение мастера о том, что программа следующего месяца увеличена вдвое, что в бригаде добавлены новые люди. Это как нельзя лучше отвечало его мыслям.

Тут же он познакомился с новичками. Девчонка-испытатель с узелковым пультом на борту. «Старая» она из касок, знаменитый Соломатин. Родильный сорокин пронес ему руки, отрекомендовалась: «Демобилизована из армии после ранения. Теперь здесь, в цеху, возвратить буду».

Вечером Соломатин собрал бригаду. Он рассказал о маленьком пульт-матчике с боевым орденом и обгоревшими руками, перелал его просьбу. Закинув коротко собранье, он предложил новую программу выполнить из четырех для раньше срока.

И пока на фронте танковая бригада имени Челябинского комсомола уничтожала немецкие блоки и дуги, в цехах в земле фантиков, в земле пыли, в земле соломы сорокин собирал новые боевые машины. Танкист Кокрига мог гордиться своим другом с далекого уральского завода. За отличную работу и досрочное выполнение программы правительство наградило комсомольца Соломатина орденом Красной звезды.

Так, в огне боя, в жарком труде, проплывала настоящая дружба.

Мих. ДУДИН

Старуха на дровах мотыгами рубит крест. Кладбище Александро-Невской лавры.

И вот поют на сотни юрт окрест
Начало Битвы медные литавры.
И кони грудью падают на ёл.
И кони с ходу пробивают лягы.
На ёл ложится розовый юла.
А час иззади он был зеленошвартый.
И в исторгове, броски новода,
Откинув плащ и расправная плащи,
Как вихор, он врывается туда.
В кругах некоей белесовидной сцены
Врываются клинком и пики крылья
Воинов, а не в красный сказке.
Он бьёт в упор и бьёт, оборотясь,
Мечом и наставляет по горячим каске.
Он вальд зөйт, стремительный и стройный.
И ступают в пыльне враги.
Русь спасена.

И на воде спокойной
От пузьрей расходятся круги.

Враг вновь идет и задумышъ нас хочет.
Мы узнаем исконного врага.
Он в той же каске, только покорче
Обломанные русскими рога.
Мы в битвях рассчитываем с врагами,
Славим уничтоженных огнём,
И эту каску с быстрыми рогами
Мы вместе с головой отверзим.
Мы Александра Невского потому,
Мы Александра Невского сыны.

Истории далёкие потёчки
Советничанием огнём освещены.

Ленинград.

Я лацер штурмовик азиатов, но глазков мое призываю – волчунная разводка. Моя профессия требует воевать и высокого мастерства: летать я один, кружа над вражескими аэродромами, высматривая для бомбардировщиков цель поважнее. Меня не стесняют отработанные враги. Мне преграждают путь залпы вражеских зениток. И несмотря на это профессию свою я очень люблю.

Быть может, я пока еще только подмастерье на войне. Но скоро я стану мастером.

Я буду точно наводить наших штурмовиков на цель. Пополнит поклажу немчура старшего сержанта Михаила Харузина.

«Или на фронт и бей фашиста, как бьют скотники зверя», – сказали мне земляки-песцы, – пусть глаз твой будет мягок и зорок, Теседа». Я об этих словах никогда не забываю.

Моя профессия – пулемётчик. Это трудная специальность, мне долго пришлось учиться. Но теперь я уже умею выбирать хорошую позицию, знаю свой пулемёт – он у меня никогда не откажет в бою.

Я уничтожила из моего «Максима» больше ста немцев. Мало! Я продолжу свой счёт.

Фоторепортёр снял нас на полевой радиостанции. Справа – мой командир, сержант Сабиров, слева – я, младший сержант Липкович.

Мы связисты и гордимся этим. В наше время спась на войне – первейшее дело. Без нас, связистов, не могут обойтись ни летчики, ни артиллеристы, ни танкисты, ни пехотинцы. Это обязывает нас и заставляет постоянно совершенствоваться в своем мастерстве.

Я мечтаю быть танкистом. Я стал им. Наши сухопутные броненосцы разрушают опорные пункты врага, давят немцев гусеницами. Танк кажется мне самым совершенным орудием войны.

Я командир. Бойцы у меня все богатыри. На снимке вы видите танковый экипаж старшего сержанта Пономарёва. Только в последнем бою он уничтожил два средних вражеских танка, три противотанковых орудия, три пулемёта и до восемьдесят немцев.

Старший лейтенант Т. Аукенко, кавалер ордена Александра Невского

МЫ ВОЮЕМ

«Русский артиллерист» — самые страшные слова для немцев. Кто-кто, а они-то знают, что такое советская артиллериya!

Я очень доволен, что стал командиром этого рода оружия, которое называют «богом войны». Мне много и долго пришлось учиться. Но я добился своего и стала командиром-артиллериистом.

Сейчас я командую орудием. Оно не на плохом счету. После недавнего боя, когда нам удалось подавить и уничтожить восемь пулеметных точек, мой начальник сказал:

— Молодец, Загороднев. Настоящий артиллерист! Это высшая похвала для меня.

Быть сапёром трудно и опасно. Говорят, что люди нашей профессии могут ошибиться только один раз в жизни. Но я делаю свое дело и думаю закончить войну без ошибок. В победе над немцами будет и мой, сапера Александра Маркуса, залог.

Артиллерийские восемнадцати транспортных самолетов, сбитых нами, могли бы рассказать кое-что о профессии советского зенитчика. Но им никогда уже ничего не придется говорить...

Так вот, зенитчик — это значит умный человек, хорошо изучивший математику, познавший сложную военную технику, быстро принявший единую неожиданную реальность. Зенитчик должен быть мужественным и стойким, и, что самое главное, он и на фронте должен непрерывно учиться.

В. Доаматов, командир зенитного орудия

↑ Я снайпер Борис Колейников. Пусть запомнит немцы это имя. Мы еще встретимся не раз, пока я не убью последнего фашиста, который прешел на мою землю.

Как-то отпраздновал я на снайперской рубеже. И сказал перед этим своим друзьям: «Не ждите меня до тех пор, пока я не вернусь к этому поезду». К тому времени я уже настроил давнишнюю трех ярагов. И слово я свое сдержал, потому что ненависть против немца жжет мою душу.

Я минометчик, старший сержант Назаренко. Называют меня друзья на фронте «кошечник», так как я командир кошущего миномета.

Что это значит?

Это значит, что во время боя я переходжу с позиции на позицию и засыпаю немцев минами там, где им меньше всего этого хочется. Поэтому и обзываются фашисты на меня крепко.

Я им плачу по своему собственному счету. Уже разрушил четыре немецких блокада, уничтожил пять пулеметов, одну пишущую машинку, много гитаровцев. Но это — только начало!

СИНИ

Повесть в стихах

Павел Антокольский

«Ваш сын Володя в юностной склете с немецкими разбойниками погиб смертью храбрых на поле битвы 7 июля 1942 года. Но мы за вашего сына Володю постараемся отомстить немецким сволочам. Пишет это Вам его боевой товарищ Вася Севрин. Похоронен ваш сын возле реки Рессета — приток Жиды».

Действующая армия,

I

Вода. Я не опоздал? Ты спящий. Мне сегодня рядом осталась о строй. Почему ты писем нам не пишешь, Ни отцу, ни матери сестре?

Вода. Ты руки не в силах вынуть, Собака с языком съела, Голову не синяк запирошила. Глубоке земли лёгкими вздохнула;..

Почему в глазах моих маски Только синий, синий, синий цвет? Или сквозь обугленные веки Не пробьётся никакой рассвет?

Видишь — вот, сквозь выщущую зелень, Стаянгий дым в прохладе и тени. Вот — мосты над крутыми расселинами. Ты мечтаешь их строить. Вот они.

Частушечка ли ты, что я тебе учу? Будешь ради с ней, плачу к плечу, С самой лучшей, самой аллатокудрой, С тобой, когда называть я не хочу.

Смышишь, слышишь, слышишь канонаду? Это наши к занаду пошли. Значит, наступление. Значит, надо Подниматься, встать с сырой земли,

...И тогда из дали неоглядной, Из далёкой дали фронтовой, Отсечет синий мой неподвижный С мёртвойю горящей головой:

— Не зови меня, отец, не трой, Не зови меня, о, не зови! Мы идём к нехожим дверям. Мы летим в покарах и краях.

Мы летим и бьём крыльями в туши, Боеевые пашни дружи. Так слопотали наш отряд летучий, Что издала вернуться нам нельзя.

Я не злюсь, будет ли сандаль. Знаю только, что не кончен бой. Оба мы песчинки в мирозданье, Больше мы не встретимся с тобой.

II

Мой сын погиб. Он был хорошим сыном, Красивым, добрым, умным, смехливаком. Сейчас метель гулит по лопинам, Воды выбоин, где он упалничком.

Метёт метель, и в рог огнищий дует, И в дымоходах вост, и вонят В развалинах. А мне она диктует Стата смерти, счита людских обид.

Как двое встретились, как захотели Стать близнецами? В какую на ночь Зателился он в материнском теле. Тот синий сонечек, ей же изменил. Когда в первом сне я вижу, вонки встанут, Погребут предстулку, караулки. Чтоб на плечи его ты взял, прогнёт Ручончик вперх, — ты же ему оташа.

И малыши речи Ему сронили кудри. Весенний ветер, зимний — шёлковый ждёт. И он летел на лыжах в снежной пуре И плывал в море, — бедный мой другож,

Он музыку любил, её широкий Скрипичный ансамбль, боязнь меды. Бывало, он садится за уроки, — А раз — и сидит в кресле, гриметь. Чуб в кокетку забылся, доотказа Лягушки и фаготы авробой, Баня в Туле, и зурия с Кавказа, И позывные станции любой.

Он ждал труда, как воздуха и кормы: Чертить, мить в пальцах, красить что-нибудь. Коллажи логотипов, буквы формул Поплыли в памяти, в дневной путь. Макеты сини, штурманы в театре, Мадамы шуху, не плюющих инкуб. Его мечты хватило бы жизни на три Ита в три реки, — так он ждал труда. И он любил следить, как взрастали Дома на широких улицах Москвы. Как великаны из стекла и стали Купались в ярких блесках синевы.

Он стоял шин стоял велосипедом По всем Садовым, за Москвой-рекой, И столько пляжей перепорты «Флорид». Синяя волна и синяя, что под рукой, И столько раз ложься и встав с постели, Уверен был, нет, и нееоников..

Что он любил ещё? Бродить без цели С говорящими в окнах детёх дёлек Синевы, синевы без шапки. Неправильно? Зато удобно даже горючий столичной, Он в уголок пражинской столичной, Сколько дымов. Что он любил ещё? Кам дым был. Что он любил ещё?

Он жил в Крыму в то лето в жарком полдне

Сверкал морской прилив во весь раскат. Сверкал степь. Сверкал песок наполнив Весь мир звонками крохотных цикад. Он видел всё до точки, но обидел Мельчайший брускочек изолированного серебра. И в синеве за синеву, за синеву, Увидел Сонечко другого и лучшей темперы. И девочка изиневато убежала.

И звонкий смех ещё звучал в ушах, Когда в кровь почтувшись он жало Византийской грусти, чаще задышав. Но отчего грустить? Что за причина Бродить без цели меж прометровских скал? Ведь он не одинок, не одинок и не одинок, Грубо и глубоко, — косяк такса... —

Так что же это, что же это, что же

Такое, что шешият в его груди?

И, сразу окрымлён и уинчент, Он знал, что жизнь огромна впереди.

Он в первый раз тогда коснулся жизни. Всё конечно. То было последний раз.

Ты, море, всей громящей солью брызги И подтвердила пепельный мой рассказ. Ты, высочайший степной козырь, наподобие Весь мир звонками крохотных цикад. Сегодня нет ни девочки, ни польда. Метёт метель, метёт во весь раскат. Сегодня нет ни мальчишка, ни Крама. Метёт метель, золотит и охряет рог. И только грозным зиром багрина Сияют дали прифронтовых дорог.

И только по щеке в дыму махорки Пойдёт скучная, трудная слеза. Да карточка в защитной гимнастёрке Глядит на мир, глядит во все глаза.

И только еженощно в разбомбленном, Ограбленном старинном городке Пойдёт метель о мальчище влюбленном, О погребённом — тут, недалеке. Гостиница. Здесь, кажется, он прожил Ночь или сутки. Кажется, что спал

На этой жёсткой коечке, пожожай На спальну жалезодорожных шпал. В нескладных сапогах по коридору Протопал утром. Жадно мыл лицо Под этим краном. Помсился вздору К иконе-чучлуку. Вышел на крыльцо. И первым открылся разорённый Старинный этот русский городок В развалинах. Так яко изъятый Ионинским солнцем.

И уже гудок Влади заплакал железнодорожный. И младший лейтенант вздохнул слегка. Всё было в пыльце тревожной Была так пылью покрыта земля. Опять залуп газук, сонечко синий. В неравной схватке с песят ветровой. А поезд щёл в шине, шине, шине, шине С его открытой первой фронтовой.

Всё конечно. С тех пор прошла полгода. За скамьи — белые лоды, стужа, мгла. Я думал, что не сяду. Меня незвезды В гостилицу вот эту загнали. В гостилице жилут не долго — сутки. Встают чуть свет, спешат на фронт, в Москву. Метёт метель, мешается в рассудке,

А всё метёт.

И где-нибудь во рву разыбруди в разу. Видят выбытое по склону струха, Правильней к земле и сладует прохна. Там, может быть, се детёныш руна, Под ёлкой молодой у блиндажа.

III

Я слышал взрывы танкеточной машины, Распад живого, смерти торжество. Вот где рассказ начнётся. Скажем проще: Вот западня для сына моего.

Её напекла в приоксинской химии, А метелью в отвале заглохла, Её хранили пакетами в сумках, Но злость не зала шинок узды. Она земелла в сейфах у банков, Поплзла хитро и скользила мертвом, Земллась, под землей танкеточная вырма. Вот западня для сына моего.

А в том году далёким, двадцать третьем, Когда мой мальчик только родился, Уже присматривалась к нашему детям Германия, ощерившая, вск.

Я видел город тот аллатопатый В зелёных вспышках мертвенных реклам. Он был набит тщеславием, как затой, И смешан с маргариным пополам. В том городе дрались и целовались, Рожали или гибли им за что. И пели: «Deutschland, Deutschland über alles»

Всё было этим лаком залито. Как жизнь чёрна, обугласна. Как густо Запылили разгулом облака. Как вздрожжалы Небо и соль. Не хватят и мелка, Чтоб надписать растущим целя колонки.

Меж тем убийцы наших симёней Сият сладко, залеплены в пельмень. Сият и не знает участа своей.

И ты, наш давний недруг, кем бы ни был, — Берлинец с таёжным гётевским лицом. На женщин жаден, падок на суперхильфи, — Ты в том году стал, так, и я, и отом.

Да, твой наследник будет чистой крови. Румын, голубоглаз и белобрыс. Всётан по силе, Энгрифиро по здоровью, Отдай приказ — он рельси бы разрыз, От юности провесят в домах публичных. Пройдёт насквозь Европу, как чума.

Но перенес ега левийнич Ненужек. Он — Германия сама, Она сама открыто и толково Его с рожденьем ввернула по тьму. Такого сына жаждё ты? — Да, такого. Ему ты отдал сердце? — Да, ему.

Был он в снегу твой Фризен, отработан,
Как рабин твой. Попробуй оторви
Его от снега. Закричи: «Ферботен!»
И всплыл в пот, запекшийся в крохах.
Хотел ли ты для сына ранней смерти?
Хотел ли нет, ответом не помочь.
Не я прямёш плюхнуть в коверте,
Но я виной, что ты не спишь все ночь.

Что там случит в вихрях твоих склерозных?
Чья тень в оконный ломится квадрат?
Она пришла из тымы почёй морозных.
Тень эта — я.

Ну как, бернини? Рад?
Твой час пришёл.

Вставай, старик. Пора нам.
Пройдём по странам, где гудят твой сын.
Нам будет жизни его кинорежиссёр.
А смерть — луций проектора космы.

Над нами небо, как разраданный спектакль,
Всё в испытаниях миллиардистских звёзд.
Под нами вспыхивали лающим эсэпти,
Дым разбрёзганных человеческих глаёд.
Торчат из снега трубы изб сожжённых.
В сквозных пролётах, в рахах без окон
Ноёт мельчь о материах и жён.
Которых в скотской западне загон.

Снега, снега, завалы снега, взгорья,
Чащины и снежные шапки до бровей,
Холодный дым кочевья, азот горы,
Все сумрачной снега, все лизоев.

По деревням, на пустых горячинах,
Творятся ночью страшные дела.
Раскачиваются, скрипят на крючьях,
Повешенные разделены тела.
Кто вешал их? Кто выкашал глаза им?
Кто, отшвырнув от мертвого тела, оторвал
В крестьянском скрабе ширину, как холмы?
Он, свой наследник. Стало быть, и ты.

Ты, воспитатель, сделала эту сквоту
С дермом в мозгах и ругнуло во рту,
Ты из ребёнка вытравил, как щёлочь,
Стыд, благородство, разум, добро.
Ги отняли у него Эйнштейна
И песни из «Любви, любви, день весны,
Сладко» и из малярнических гимн.
И обласкал его ночные сны.

Ещё мой сын не мог прочесть, не знал их:
Русско и Маркса, еле в книжки приник.—
А твой в плюшах, в спортивных залах
Костюм сложил из каштановых каштанов.
Тот день, когда мой мальчик кончил школу,
Был снегом и по юношеские снеги.
Тогда твой сын, охрипший, полуголый,
Шёл с затоном через наши рубежи.
Ту, пред которой сам мой с обожанием
Не смел дышать, так он берёз её.
Твой отприск с гиком, с жеребьими

жеребьими

Взял и замырну на землю, как тряпье.

Мы на поле с тобой осталась чистотой,
Как на вымьтывайся, как ни пылать.
Мой сын был комом сознания. Твой —
Фашистом.
Мой мальчик — человек. А твой — пазуха.

Всех своих, в стояхах они сплюшного,
В разных человечествах всего,
Сто раз ногишибу и родившись сплю.
Мой сын зовёт к статуту твоего.

IV.

Иду голая, тридцать восьмой, досягший.
Зарублен рост на притолоке дверной.
Родоминина в клочьях ламинат
Бегут, не сплющив, где-то стороной,
Неточные.

Так как же мне вглядеться
В былое сквозь волнистое стекло,
Чтобы его неконченого детства
В неизвестную юность перенести?

Стамеска, Ксанфа. Смятая коробка
О громоздких волхвий. Молоток
Нестал для син величественных. Пряча
С перегоревшим проводом. Моток
Латунной проволоки. Альбом для марок.
Сухой разбитый краб. Кранцианы.

Вот он лежит, непротивна и ярок,—
Кусок его малярнической души,
Хотевшей жить.

Ни много и не мало,—
Жить. Только жить. Учиться и рассти.
И детство уходящее скисло.
Облонь рая в маленьком горсти.
Вот все, что летело из земле добыто.
А юность ничего не отнела.
И, уходя за смертный бой, забыла
Облонь рая в ящике стола.

Рисунок. Готовился Плоский ящик
С палитрой. Два нетронутых холста.
Быстро вились краски. Пестрота
Бесконечная. Всё — наизнанку.
Всё — с ощущением, что наступит
В Июле, в январе или на Пасхе.
Сама осудила эту дредебед.
И он расстёт, застенчивый и мылый.
Несколько раз, блеснувшись, показал чудак,
Всё его бессмыслица томило.
Сегодня он получает «просто таз»,

Снять рисунок. В пробах и проблемах
Сквозят игра ребячливость и лень.
Так, может быть, в порывах оробея,
С отломом рогом, нечестиво смеясь.
И нахмурив струпье кудряшки.

И от смеха ветвисто красу.
Но ведь склонно реинтесно служили
Все мхи и травы в склонном лесу,
И невидимка в лунном одеванье,

Пригнулся он такой живой волни.
Что разве лишь охотниче Длане
Удастся отнести его сюда?

А это чисто мужиком в оленем
Уже несется трубы в все рога.
Уже гнались за горы поклонения,
Железные вымощники врага.

И нутрия — тридцать восмой, дезайнер,
И пограничный гор скородок.
Был воспоминанием в клочьях ваты.
Подходит сорок первый роковой.

Мы же взоры от памяти заняли.
Случинский, багольный след карандаша.

Случинский открытия в сажевые писки —
И визуализации ялуша душа.
Вот, вот она мелькнула, недотрога,
И исчезнула. И ушла во тумы.

Единственная, безраздельно строго.

Сложна пренализация ему.

Здесь почты вырабатывались: точный.
Косой, бемного жаждкий, без прикра.
Тогда он жил в республике восточной.
Бес близких и вин домы в первый раз —

В тму, в воинской школе. И, начав
С «Любви, любви, день весны». Учусь.
Переводил языки. Ниска умоляла.

О трудностях, не выражала чувств.
Гордово роже начал он делиться:

Тоской и беспокойством, мат, сестра.
Но скоро в письмах появился лица
Товарищей. И гнусть не так-то.

Кто с кем-нибудь, подавал на блокаду.
Кто с кем-нибудь, вывел многих друзей:

«Дядя, папа, замечательные люди!»
И слова дружбы. И опять о ней.

Навстречу людям — цель и торжество.
Так вырабатывалось понемногу
Мужской характер сына моего.

Еще одна тетрадка. Очень чисто.
Сортирана школьной вымучки храна,
Здесь вписан был закон артиллериста,
Простая математика огня.

Сияя горчичница, прыщевицей, прыщевой,
Вот чём дышала и жила эта тара.
Всё из-за неё, из-за неё, в цельно.

Всемирная долгота, в нежеланы лыгот.
Ни разу не отдалась. Что он видел,
Приделал ли пособийский багрет,
Свежей душой исклонено обите?

И вздрог рисунок на полых дворах
В венецианских арках. Тут же рядом

Под кипарисами пущены.

Постой.

В какой задумчивости, смутным взглядом

Смотрел он на рисунок свой простой?

Какой итог, какой душевный ощущ?

Здесь выражена склонкой может?

Итог не поддается слове не долг.

Образовалась и подпись: В. Антон.

V.

...Весь день он спал, не сняв сапог,
В шинели,
С открытым ртом, — усталый человек,
Виски — виски.
Тяжелые выпуклости век.
Я находился на шапочках, боялся
Дождуть на сны. Вот он, наконец,
Из дальних стран вернулся восновки,
Так рано опернишней японец.
Он встал, надел ремень и портупею,
Слегка меня ударяя по плечу.
Наверно, думал:
«Нет, еще успею,
Зачем тревожить?» Лучше помолчу.

Последний ужин. Засасались поздно.
Весь час доним, и мыслема весь смех.
И мы сидим, не умевшие не отмыться,
И так, как будто, блажь, блажь, весел.
Когда мыслей гнётся его? Как скудно
Осанена под лампой часть лица.
Меняется лицо ежесекундо.
Он смотрит и не смотрит на отца.

И все в нём неподобное, недо —
Пробуждение в мозгу, — как звон козы,
Как ванак косы:
«Я буду, буду, буду».
Он смотрит и не смотрит на часы.

Помыли мы на вокзал — таким беспечным
И элегантным шагом, как ехиды, вдовы.
Лежал табак в мешке его заплечном,
Хлеб, концентраты, узелок с белым.
Ни дать, ни взять, щёл ученик из класса
В экскурсию под выходной денек.
Мой лейтенант и вправду волхвлялся,
Что в поезде не будешь одинок.
Уже в салоне, в салоне он встретил,
И лейтенант выплыл визором.
Я был шестым. Крепкая пещастый ветер.
Зенитки были. Где-то гроул гром.
Как будто дождь накрывает. А может,
Дождь начался совсем в другую ночь.
Да что тут! Был ли, нет ли — не поможет.
Тут и гораздо большими не помочь.

Мы были рядом. Близко. Скали руки.
Сильней. Больней. На столько долгих дней,
На столько долгих, долгих, долгих.
Но разве мы, получали о ней?

А это же с матерями и без близких,
С бусинками маленьких глазниц,
Вымушкими из школ артиллерийских
С Москвой пропали.

Мрак же — всегда.
Железный грубый занавес у входа
В ночной вокзал.

Кричали рупора.
Попала поездка.
Сколько до отхода?

Час? Полова?
Ну, а теперь пора.
Гражданских из вокзала не пустят.

Ну, так.
Обнимемся под небом, под дождём.
Постой!

Прощай.
Постой хоть пять минуток.
Пока пройдёт команда, переждём.
Отец не знает, смыла проказы.
Чья кровь, как молот, ухает в виски,
Чья кровь стучит — сюзя или чужая.

— Ну, а теперь ещё раз, по-мужски —
И робко, виновато ульяни.
Он очень долго руку ждет моло.
И очень нежно, нико нагибаясь,
Просто что-то шепчет про сemyo,
Мать и сестру.

А рядом за порогом
Ночной вокзал в сиянии синих ламп.
А где-то там, по фронтовым дорогам,
Воды рвущиеся из котлованов, подземелья,
Оно нападает нас в нужный миг.
Несётся время, саже, сквозное,
Несёт в схлаках солнце и грязь.
Вокруг синеет туманы от зиоз,
И голубеет рекламы винзы.

И в сиянии синих ламп он тоже синим
Становится — и лёгким и сквозным.
Тот, кто недавно мое калайдис синим.

IV.

А там — теснятся сверстники за ними,
На загоревших юношеских лицах.
Играет в белых блоках синева.
И между лицами — синева.
Единственный морской волны. Волна,
Пришедшний девятнадцать лет назад.
На праздник мироздания жизни.
Спешит на фронт...

Он хочет что-то досказать и машет
Фурзкой.
Сине лесистый лампой плияет
А ночь летят в глазах отца.
По и она спеша.

VI

Что слыши? Дождь над выжженной
уставшей.
Был дождь. Благодаря прощесью.
Сини завещал мне не жалеть о сине.
Он был солдат. Ему надо сидеть.

Нель скрежетала из зубах. Комарик
Примчал к сухому жаркому виску.
Был дождь. Сини, как в далеком детстве ярок.
Кукушка пела искру «ку-ку».
Что вспомнил он? Мелодию пакора?
Либо какое? В чём писалась строка?
Пока, о долголетии куку.
Твердила птица прекрасное «ку-ку».

Но как он удалился этой липкой,
Хлестущей горячей, жгуче-мозговой.
С какой извезд растерянной ульбкой
Вдруг очутился где-то под водой.
Потом, когда он выплынулся всем телом,
Спокойно спал, как дома, на боку,
Еще в лесном ряд оскоротел
Звездою запоздалое «ку-ку».

Жизнь уходила У-х-о-ли-да Будто
Она в гостях ненадолго была.

И спохватилась, что синяя задута,
Что в коме пусто, в окнах нет стекла,
Что можно добираться легко ей
Одной, вдоль изб обугленных и труб..
И тихо жизнь оставила в покое
В траве на скате распростёртый труд.
Не лги воображенью! Что ты тишишь
И путаешь? Ты-то не мертв.
Смотря во все глаза, пока не ставишь
Предсмертную мукой синяя моего.

Успеть, в каком отчаянье, как хранило
Он закрынал, цепляясь за траву,
Как в гаснущем мозгу всплыли
Обломки мысли: всё-таки живу...
Как меланжено, как тяжело, как пагло
В траве пополз тот самый яркий след.
Как с гибнущим осталася с глазу-наглаз.
Всё живым его, все девятнадцать лет.

Ры ворот свой, воображенье! Помни,
Что для тебя иной дороги нет.
Чем ты упримей, чем они огромней,
Образованные девятнадцать лет.

Ну, так дойди до белого каланча,
Испеленясь и пепел свой развеяй,
Стань кровью молодого поколения,
Любовью всех отцов и сыновей.
Так не стихай, вырывись вся наружу,
(С образом же конек вся, как есть.
Все было моя вся жизнь — к сожрую,
Неся влеченье. Всё сказать. Всё перенесть.

Он вышел из окна. Запах поля
Дохнул в лицо предметами доброты,
В то же мгновение разрывами пули,
Пронзив губы, вонзив в рты.
Он видел всё до точки в облаках
Сухих травинок, согнутых огня
И солнышко в последний раз увидел,
И поклонился, и позабыл о нём.

И вспомнил он, и вспомнил он, и вспомнил
Всё, что забыл, с начала до конца,

И вспомнил он, что будет велико мне,
И поклонил, и позабыл отца.

Он жил ещё Минуту. Позади минуты.
О милости несбыточной моли.
И рухнул, в три погибели сонячной.
И расступилась мать сири-Земля.

И он прильнул к земле усталым телом.
И жадно, разучасно, поминать,
Шепнул земле, но не губами — целим
Существованьем кончавшикися «Мать».

VII

Пылает в тучах небо фронтовое.
Кружится снег. Опять летят синсы:
Но на земле мы вечно будем дождь...
Отец синя, не залюбчив сна...

Не вырвать ли одной синевой жизни
Из материцких и отцовских рук.
Хлынь, юная. Синоды света близки.
И рядом встать. И оглядись вокруг.

Всё та же ты. Всё та же, не чужая,
В защитной гимнастёрке молодёжи.
Сто тысяч раз тебя и провоксаю.
Сто тысячи раз настремчу ты наёшь.

Не знаю, где — но очень близко где-то
Пробился к свету, будущий панда, —
— Особенная, ни в отца, ни в деда,
Твои мужская, стойкая душа.

Ты — это каждый в юном поколении.
Возвращенный в счастья, вскормленный трудом,
Но знавший одиночества и дени.
Любований школу, родину и дом.

И вот встают в строю неистребимом
Любимые, чужие синовья.
Встают на смущу синовьев любящим —
Во имя правды, большей, чем моя.

МОСКВА ЗИМОЙ 1941 года

Офорты художника Е. Ракинта

На стране московского
неба

Танки идут на фронт

На улице Горького.

У памятника Пушкина.

Его родные

Константин Лапин

— И как вы его, товарищ лейтенант, насту-
пили? ведь уходил, уходил уже!

— Приводите, пожалуйста, — сказал изнак
аётчикам на свете нет никого.

Сидевшему за столом лейтенанту Нагор-
ному не впервые приходилось выслушивать
вторжденные отголоски пехотинцев об ази-
ации. А сегодня новый был, особенно подхо-
дящий: полчаса назад он, начальник немецкий
истребитель, навечно «приземлился» его на
русской земле. И ведь только, что боялся
хвастать, что у него в бою пропало, — поспешил за-
хочечать в чужой части. Он уже позвонил
на свой аэродром; машины с механиком и
горючим выехали. А что на говорят, прин-
тино сидят вот так, в тельце, обитом в блин-
даже, слушая песенку самовара, и разные
разговоры и далекое горномахничание ору-
дий, и знать, что ты честно сделал сбо-
дло.

Мой муж тоже мечтал стать лётчиком,
пожалуйста сказала молодая жен-
щина с санитарной сумкой на боку, погла-
дывая на его одрана.

Нагорный улыбнулся. Он вспомнил, как
чай назад она, запыхавшись, подбежала к
месту вынужденной посадки, ехавшей самолёта
увидеть, не нужна ли помощь. Ему захотелось
узнать, что же это честно сделал сбо-
дло.

Он спросил:

— Ваш муж тоже на фронте?

— Конечно. Он был на Севере. Пять
месяц письм нет... — женщина вздохнула.
— Было так невыносимо ждать его пи-
сем, и я решила сама пойти на фронт.

Я думала: мне бы обязателен встрети-
ла. Да где там!

— Да, конечно, велика, — согласился
лейтенант. — Но вы еще встретитесь. Обяза-
тельно. На войне и не такое случается.

— Конечно, встретимся, — женщина
улыбнулась, подумав о чём-то своём, хоро-
шем... Смысла скучает по отцу. Он с
матерью муж остался. Просил меня у-
видеться, передать тебе почтенные письма.

— Видите, — Воронина сказала из-
жадивший коммандир, — санитарную тру-
чу, — будь у тебя муж вот такой ге-
рой-лейтенант — и писать бы не пришлось: сам бы привел. А письма эти... — он
захмурился руки на кончики пальцев.

У Нагорного не было семьи: даже рож-
дённого, кроме того, что в восст-
авших, никого, кроме него, жалко не оставил,
когда он вертёлся, чтобы поздравить сиё с
одной победой. В душе его пела радость,

как может она петь только у лётчика.
Сидя в кресле, он смотрел на часы. Часы
быстро приятно, и он хотел сказать санитарке
и всем сидящим им мало людям, так
тешко по-родственному привыкшим его,
что-нибудь необыкновенно хорошее.

— Да, товарищ Рукавичкина, также-то де-
ла! — ещё раз задумчиво повторил пожа-
лой коммандир.

Услышав фамилию «Рукавичкина», Рукавичкина
— Где он слышал эту фамилию? И съ-
сед недавно слышал. Или читал?

— Просите, мы с вами не встречались... —
спросила она у санитарки. — Очень пози-
мист, фамилия звонкая.

— Да что вы? А муж говорил, что втор-
ой такой не встречал. Всё Рукавичкиных
много, санитарка, — она с удивлением
вздохнула. Просто смешная фамилия, вам и
кажется, что уже слышали. Денежки моя
фамилия — Евгения, Варвара Евгрова. И
я не хотела менять её, в теперь даже раза.
Пусть хоть фамилия от мужа останется.

— Ну, ну, что за разговоры! — пожурил
Нагорный.

Он тоже и не вспомнил, где слышал эту
фамилию.

Между тем сидящие вокруг стола за-
стали извечный спор о том, какой род войск
храбреев. Одни приходили в пример заме-
ненных разведчиков, разгуливавших среди
белых в немецком тылу, как у себя дома;
другие — смешных самёров, разминировав-
ших недавно дыру в полу, и на которую насту-
пали измученные трети... — мурлыков. Из
стола кому-нибудь вспомнил лётчика, как
все разводили руками и посыпали в стопу
Нагорного: дескать, о вашем брате и
говорить нечего, и так всё ясно.

— А по-моему, храбреи нашей пехоты ни-
кого нет, — сказал лейтенант неожиданно.
— Ниже не коммандир, ни коммандир
не болгарина. Странно! Иначе пехота
изучала, что он замялся немного, одного
одного приятеля молодого лётчика, настя-
гившей смехоты. Да тому беспечайшему
удальству, когда направляю рикшами своей
головой, лишь бы врага сбить... — лётчик
сделал паузу, набивая трубку.

Все молчали, ожидая рассказа. Нагорный
зроказал.

Примерно полгода назад он закончил
лётное училище и был послан на Северный
фронт. В училище он показал себя непло-
хим пилотом. Дорогой он не перепачкал и

злился, что ему «спокорителю высота», при-
ходится летать на самолётах, а не на истребите-
лях блокированной смертью. Верите или нет,
за три дня я не мог заснуть: ему каза-
лось, что в эскадрилье его ждёт с нетер-
пением, что немецкие самолёты беззака-
занные бородят небо, пользуясь его отсут-
ствием, что... Словом, многое о чём казалось
молодому пилоту, пока он не попал на

флот, что лётчиков много, даже больше, чем
машин. Никто не думал сразу послать его в бой. Как он ни наледдал командир, эс-
кадрильи, сколько заявлений ни писал, первое
боевое задание он получил только спу-
сти три недели после призыва! Да и какое
это было боевое задание: просто раз-
рушить рабочую маску. Ну, в которой огро-
мными буквами написан и которую вот уже
четыре дня осаждала наша гвардейская

часть, — и всё!

А между тем наша часть оказывалась в
очень серьёзном положении.

Пять дней и пять ночей полнились
гвардейцами в атаку. Но всё было напрас-
ным. В конце недели, когда всеми уже не
так сильно волновали склонные склоны на-
правления пешими, гвардейцы, схватив
шиту штурму, с запада прорвали зево тя-
жёлых транспортных самолётов с чёрными
крестами на борту и с брошенного полета
сбросило на высоту множество мешков и
ящиков. Несколько мешков скатились по
склону вниз — в них оказались патроны,
консервы, сухари. Было отчего расстроить-
ся, но гвардейцы, схватившиеся за всё, об-
осаждённом гарнизоне. Может быть, даже
они умишлико оставили его здесь. Ведь
эта высота, оставшаяся в глубоком тылу
отступавших немецких дивизий, уподобля-
лась заплю в тело нашего флага. В случа-
е контрудара немцы могли рассчитывать на
нее как на спорный пункт.

Наш коммандир был упрямый и гордый
человек. Он не хотел сдаваться, он сел в бой в атаку и, драмы раз-
ы, не бросил своего поста. Но залез
было нечего, пришлось вызывать из помо-
щи авиацию. Всего этого не знал мой друг,
который считал пустяжками.

Быстро отыскав по карте фигуриг лес и
издавшуюся в него заросшую ельником вы-

соту, он прошёл над ней бреющим полётом. Сверху хорошо было видно то, что не видела снизу — круглые колпаки дзотов, скрытые среди кустов и листьев деревьев, между собой линиями ходов сообщения. Лётчик нарисовал их на свою карту. По его самолёту стреляли, он знал это по белым дымкам, возникавшим внизу, словно комочки ваты, но, закладывая виражи над высотой, он не обращал внимания на стрельбу пушек.

Вдоль склона он видел много серых бугров, чёрные точки металась над ними из стороны в сторону, словно головки цветов раскладывались на ветру. Он понял: это окопавшиеся бойцы машут ему шашками.

И лётчик во что бы то ни стало решил помочь им. Правда, это не входило в его задание, но смешно же возвращаться на аэродром с неисправным запасом патронов!

Не разумевая больше, он направил самолёт к винте в обстрелянной дыроте и близники. Он видел, как в ходах сообщения заметали зелёные фигуры; он даже видел, как некоторые из них, не успев юркнуть в щель, начали забираться в потолок замерли на холодной снежной земле...

— Прости, товарищ Нагорный! — произнёс неожиданно голос, от которого рассказчик вздрогнул. — Моторист Егорчук выбыл в воздушном разгроме.

На горизонте замерла одна знакомый мотопист с аэродрома, где была база Нагорного. Уличенный рассказом слушатели и не заметили, как он вошёл.

— Сейчас, сейчас, Егорчик... — Нагорный поднялся. — Я тебе всё покажу.

— Нет, уж раньше доскажите! — попросил сразу несколько голосов. — Так же говорят, бросят винт в воздух. А вы, товариши, заходите, попейте чаинку, согреться.

— У меня распорядок другой, — ответил механик, — раньше машину заправлю, а потом уж и сам... Да вы, товариши лётчики, сидите. Я сам всё сдело, — так уходил, он подмыгнул Нагорному: — Вас там ждут с кофейком. Еще одного, говорят, замечнули?

— Было такое, Егорчик, было. Когда механик вышел, Нагорный повернулся к сидевшему в кресле лётчику:

— Ты, вот, покидают он за высоту озера раз, второй, заходит уже в третий, как вдруг видят мелькнувшую над лесом чёрную тень. Оказалось, двухмоторный транспортный «Онексис», направлявшийся с новой партией груза в высоте, заметил наш истребитель, благородно решил изменить курс «Истребока» — немедленно бросился за ним. Птица, о которой я тебе вчера рассказывала, она схватила его, села на мотописта. Оскорблен склеритом, тот был подожжён. Динамитница! «Онексис» началась всё больше и больше синхронизироваться, пока не задел за деревья и не взорвался.

Бойцы слышали взрывы, видели красы деревьев и сучья, вспыхивающие высоко в воздухе над тем местом, где только что упал бомбардировщик. Высунувшись из машины из оконок, они приветствовали взорвавшегося истребителя.

Но раздавалось и другое. В тишину минуту, когда «истребок» взмыл ввысь из-за облаков, выплынула туча «Мессершmittов». Увидя одиночного истребителя, они бросились к нему наперерез. Лётчик мог уйти: ведь он был один, а их трое. Но он не подумал об этом. Он не думал и о том, что скоро должен искалечить себя, чтобы не падать, что пансхоле болен. Он был жестоко нападен.

После первой же короткой опередки его племёт покружился и замордил «Мессершmitt», словно получив это, прокосив солесем рядом и прострочив левую плоскость истребителя. К счастью, это нешло вправо на управление. Лётчик закусил губы от боли и обиды.

Немцы не обрадились. Они были уверенны, что теперь «истребок» не уйдёт от них. Они то приближались к нему, то вновь удалялись, поливая самолёт санитаром с дальней дистанции.

Но истребителя уже принял решение: он

направил свою машину на ближайший к нему самолёт врага. Он танул из последних сил, стараясь то что бы то ни стало из-стынула врага.

Наша бойца с тревогой следил за ходом этого поединка, замерев, когда оба самолёта на короткое, еле уловимое мгновение остановились в воздухе и, рассыпав по частям и оставив лёгкий след, стали падать вниз.

Лётчик сделал спасибо, чтобы жажда полилась кровью.

— Он оставил жизнь? — спросила санитарка.

— Да, ему удалось выпрыгнуть с парашютом. Но злоключения его на этом не кончились. Два оставшихся «мессерса» непрерывно крушились над парашютистом, погибая лётчика и пулемётами. Вот одна очередь пробила купол, другая пересадила несколько стрел. Парашют накренился и быстро пошёл вниз. Ветром его начало относить в сторону высоты, занятой немцами.

У滋味а своего товарища лётчика пришло в память враг, гвардейцы, не сгоревшие, даже не взявшись друг на друга, точно из команды, бросились снимать полукупол, освобождаясь от подсумков, вешающих мешки. Схватив винтовки, они молча так, словно их одновременно вытолкнули вперёд, размышили на земле. Уязвлен в снегу, падая в снег, поднимались они, бежали, а когда наступало сумрак, сидели на снегу, погибли на корточках, переборясь по снегу замёрзшими руками. Они словно не замечали, как вокруг них стали рваться мины, как противно затяжал немецкий пулемёт. Они смотрели вверх, где над деревьями, как знали, спускался паразит, показывая им втулку. И чем ниже спускался он, тем боязливее становились гвардейцы.

Немцы не останавливали свою агрессию, соплеменной атаки. Гвардейцы стремительно всорвались в блокаду, доставая снаряды штыками каждого, куда бы он ни прятался. Когда всё было кончено, бойцы сами поразились чуду, которое совершили за эти четверть часа...

— А лётчик? — снова спросила санитарка.

— Лётчик? Что ж лётчик... Он был однозначно сбит, — сказал в пылу сражения, что с этим произошло. К тому же в воздухе слышалась гибель гвардейцев, послышалась новые звуки с продовольствием и патронами, которые чуть-чуть опоздали, но были тем не менее встречены с большим ликованием...

В блокаде вошли восторг:

— Гвардии Рукачевская, к командиру!

— Сейчас, — сказала санитарка, вставая. — Я еще приду, и вы доскажите. Ладно? Вы не можете сказать, товарищ лётчик?

Мы вас не отпустим, — говорят и машут, — закончина она уже в дверях.

— Рукачевская... — повторяла про себя лётчик. — Где же я встретил эту фамилию? Она была знакома до последней буки.

— О вашей санитарке в газете не писали? — спросил Нагорный пожилой командинец.

— Нет ей! — отвечала командинец — но напишут, помните моё слово, обязательно напишут. Хорошая девушка! Равенство не выкальяется. Письма пишет за них домой. А сама вот не получает. И странное дело, как устроено женское сердце: война идёт, а она боится, не забыл ли её муж. От него пять месяцев известий нет...

— Да... Пять месяцев — это не шутка!

Все замолчали. Стало спокойно, как вода в тихий ложбинах. Каждый думал о своём.

— Ну, а чём же кончилась история с тем лётчиком? — спрашивала адъютант Нагорного, небось?

— Какой там... Командир вскарабкался ему в ноги для да нарушение призыва. Впрочем, за храбрость тоже отметил, потому... Но рассказывали-то я к чём? Во время этой его десантирования гвардейцев смертью грозил сам командир... Тринадцать лет из одного! Лётчик не забыл об этом и никогда не забудет. Чтобы всегда помнить о

них, он переписал их фамилии на доске приборов в своей машине. Он поклялся за каждого гвардейца сбыть, по крайней мере, по одному самолёту врага.

— Ну и как? Сбывает?

— Да, — сказал лётчик, довольно умбясь.

Командир лукаво посмотрел на Нагорного:

— Это сказка сегодняшний, товарищи лётчики?

Вопрос командира вызвал движение в блокаде.

Смущенный лётчик встал. Он вон все хотел, чтобы слушавшие думали, что это было.

— Пойду к машине, что там с машиной. Нагорный вышел на воздух. Громухин орудий сплюхнулся в сплошной гул. В наступающих сумерках были видны бледные всхлипы разрывов, показания, где проходит линия фронта.

Под самолётом возился механик. Лётчик привычно поставил ногу на скобу и, перебравшись через борт, посмотрел на доску приборов: где красными караидцами были выведены три цифры: «Баки полон», с удовлетворением покивал головой, но, похоже, не знал, что это значит. Командир по списку стоял Рукачевский.

Так вот откуда он знает эту фамилию. Значит, это муха санитарки... Как раз на Северном фронте, и письм не погод... Могли быть, не сор? Мало ли на войне бывает! Но если это не сор? Мало ли на войне бывает? И не таких. Есть же в их складе трое Васильевых. Правда, Рукачевская — редкая фамилия... Но девушки, сказала, что Рукачевских много. Кстати, может быть, Рукачевки?

Нагорный залез в кабину и зажёк спичку. Окончанием нельзя было разобрать. Можно было прочесть и так и эдак. Откинувшись на спинку сидения, он задумался. У Веры Рукачевской есть и муж, и сын, и матер. Но если это даже не её муж, если это другой, неизвестный Рукачевский? У него ведь тоже может быть и жена, и родители, и дети?

У Нагорного было родных, никто и знать не знал, что значит для него трижды фамилий, выписанных на доске. Он не знал, в этих трижды, когда они были живые, а мертвые и лицо не запомнил, но за время прошедшее с того дня, он спорил с ними. Одни были вместе с ним здесь, в кабине, когда он сел на аэробус, их тяжёлые руки чувствовали Нагорного на своих руках, когда нажимал гашетку пулемёта и переродной спартерник падал вниз; он кричал им, перекрикивая рёв моторов:

— Это за тебя, Алексеев! А это за тебя, Василий Шумов!

Но как же он не подумал, что у них могут быть родные?

— Полосуй, Егорчик, — позвал Нагорный, — сколько на одного человека приходит в среднем родин?

— Четыре? — переспросил механик, вылезая из кабинки и помыкая. Понял, что хочет получить лётчика, он решил не пальять — Юрия, Володью, да Никитой и Али, да батьку с маткой... А сестёр не считает? Семь... девять... десять человек. Это ближних родственников. А если дальних, то и не сочтёшь.

Он говорил ещё о каком-то же зеле брате, но Нагорный уже не слушал.

— Пойдёшь, — сказала он, застывшая в кресле, — скажи, что сорочно высыпало — перчатки. — Сказки, что сорочно высыпало — словом, придумай что-нибудь... А санитарку эту, Рукачевскую, попроси адрес сына дать.

Сказки, я ему игрушку пошлю.

Сказ, что он задумался, позовут ли ему на помощь штаба штаба модель истребителя, сплюхнувшую на шкафу, как вдруг ноги висели в воздухе и голову:

— Ты адрес-то зови, Кузьмич, а насчёт игрушки не говори... Я её не хочу...

И, включая зажигалку, с ульбкой, представила, как обрадуется этот неизвестный, родной малый, показывая товарищам телеграмму чужого лётчика-пилота, который сбил в подарок ему настоящий немецкий самолёт.

